

М. В. Гордина

О РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА

Фонему обычно определяют как кратчайшую линейную единицу, несущую функцию различения значащих единиц языка. В таком определении подчеркиваются два момента: 1) неделимость в линейном плане и 2) различительная функция по отношению к единицам высшего порядка. Различительная функция требует, чтобы разные фонемы встречались в одном и том же фонетическом положении, т. е. не зависели бы от фонетического положения; напротив, звуки, встречающиеся только в разных фонетических положениях, не могут участвовать в оппозициях и, следовательно, не могут рассматриваться как разные фонемы. Отсюда вытекает различие между фонемой и ее оттенком (вариантом). Оттенки фонемы нередко определяются как звуки, находящиеся в отношениях дополнительного распределения.

Для выяснения фонемной роли звука и для доказательства деления речевой цепи на фонемы традиционно используются сопоставления типа:

дом — том сад — пат
дом — дам пат — пот и т. д.

Иными словами, строится парадигма, в которой один и тот же звук (элемент речевой цепи) выступает в разных окружениях (*дом — дам, сад — пат*), а одно и то же окружение присутствует при разных звуках (*дом — том, сад — пат*). Однако применение этих положений к анализу сложных звуковых образований: аффрикат, дифтонгов, придыхательных согласных — приводит к многочисленным затруднениям. Так, отнюдь не очевидно, что немецкое [ts] должно трактоваться как единая фонема: рядом с [kurts] *kurz* 'короткий' есть [kurt] *Kurt* 'Курт', [nuts] *Nutz* 'польза' — [nus] *Nuß* 'орех' и т. д.; аналогично положение и с английским [dʒ], с английскими и немецкими дифтонгами. Во всех этих слу-

чаях присутствует линейная последовательность артикуляций (звучаний), при локализации различий в одной из частей сложной артикуляции, т. е. линейная делимость; аффриката или дифтонгическое сочетание [aɫ] в этом смысле не отличается от бифонемного [aɪ] или [an].

Для решения подобных вопросов практически используются два пути. Первый из них — обращение к восприятию носителя языка. Так поступает, например, Д. Джоунз: английские аффрикаты [tʃ] и [ʒ] должны трактоваться каждая как одна фонема, потому что таково восприятие англичанина; в японском слоговые носовые [m̥, n̥, ŋ̥] — оттенки фонемы [ŋ], потому что так их оценивает японец¹.

Действительно, показания носителя языка очень важны для лингвиста; это подчеркивал Л. В. Щерба еще в 1909 г., тут же добавляя, однако: «при надлежащей их интерпретации»². Восприятие носителя языка есть отражение связей, отношений в языковой системе; оно может подсказать исследователю направление поисков, но ни в коей мере не избавляет его от необходимости выяснить те объективные причины, на которых оно основано³.

Поэтому гораздо важнее для лингвиста второй путь решения спорных вопросов — объективный анализ существующих в языке отношений. Его предлагают Н. С. Трубецкой⁴, А. Мартине⁵, М. Сводеш⁶ и многие другие авторы⁷; Н. С. Трубецкой и А. Мартине формулируют ряд правил интерпретации сложных звуковых образований. При этом используются и фонетические соображения (длительность, степень фонетического сходства, слогаделение), и соображения, связанные с системными отношениями.

Вряд ли, однако, правила Н. С. Трубецкого и А. Мартине могут противостоять критике: среди них, например, фигурирует невозможность истолковать один из элементов сложного звука как вариант самостоятельной фонемы; Н. С. Трубецкой и А. Мартине при этом опираются на фонетические различия.

¹ D. J o n e s. The Phoneme, its nature and use. Cambridge, 1950, стр. 88—89.

² Л. В. Щ е р б а. Субъективный и объективный метод в фонетике. «Избранные работы по языкознанию и фонетике», Л., 1958, стр. 111—112.

³ Это многократно подчеркивал А. Мартине (см.: A. M a r t i n e t. La phonologie du mot en danois. — BSL, 1937, т. 38, № 2, стр. 172; О н ж е [реф.]. K. L. Pike. Phonemics. «Word», V, 1962, стр. 284).

⁴ Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960, стр. 67—68.

⁵ А. M a r t i n e t. Un ou deux phonèmes. «Acta linguistica». 1939, т. 1, стр. 96.

⁶ M. S w a d e s h. On the analysis of English syllabics. «Language», т. 23, 1947, № 2.

⁷ Собственно говоря, более или менее полный объективный анализ можно найти теперь в любой работе, содержащей решение фонологических вопросов.

А. Мартине, например, полагает, что сочетание [ks] должно быть истолковано как единая фонема, если его элементы не встречаются в ином фонетическом положении. Такое использование чисто фонетических критериев ни в коей мере не доказательно: известно, что звуковые различия в разных фонетических положениях не могут служить основанием для выделения фонологических единиц. Если два разных звука встречаются только в данном фонетическом положении — в приведенном примере [ks] — то как доказать, что они не взаимно-обусловленные варианты других, независимых звуков? Точно так же примеры, которыми оперируют для утверждения фонологической самостоятельности аффрикат [с] и [č] в русском языке, в противоположность сочетаниям [ts] и [tš]; *о цыпке — отсылке, очутиться — отшутиться* — строго говоря, недоказательны: здесь можно предположить разное слоговое деление и, следовательно, разные фонетические положения.

Ссылка Н. С. Трубецкого на слоговое деление лишена, поэтому, всякой убедительности. По той же причине не имеет доказательной силы и критерий длительности: долгий сложный звук вполне допустимо рассматривать как долгую простую фонему; краткость же сложного звука можно интерпретировать не только как признак его монофонематичности, но и как следствие того, что две самостоятельные фонемы попадают в особые фонетические условия.

И Н. С. Трубецкой и А. Мартине охотно апеллируют к требованиям системы. Однако очевидно, что сама система может получить разный вид в зависимости от того, как выделить ее элементы.

Что предложенные Н. С. Трубецким, А. Мартине и другими критерии интерпретации сложных звуков не являются вполне строгими, показывает множество фонологических решений, предлагаемых, например, для английских, румынских, немецких дифтонгов⁸. Характерно, что для подтверждения определенной точки

⁸ Английские дифтонги со вторым элементом *i, u* толкуются:

1) как неразложимые фонемы (A. C. L a w r e n s o n. Some observations on the phonology of the english vowels. «Proceedings of the 2-d International congress of Phonetic sciences, 1935». Cambridge, 1936; А. Ф. Б и р ш е р т. К вопросу о системе фонем английского языка. «Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку». М., 1940. D. J o n e s. The Phoneme, its nature and use. Cambridge, 1950);

2) как двухфонемные сочетания со вторыми элементами, представляющими либо варианты согласных [j, w] (B. B l o c h and G. L. T r a g e r. Outline of linguistic analysis. Baltimore, 1942), либо варианты гласных [i, u] (M. S w a d e s h. On the analysis of english syllabics. «Language», т. 23, 1947, № 2);

3) как двухфонемные — [ai, au, ɔ], как монофонемы — остальные [i, u]

зрения допускается использование нефонологических (фонетических или морфологических) критериев; в плане чисто фонологическом — распределение звуков и различительная функция их — задача получает множество решений. Отсюда — поиски наилучшего решения, приводящего к наиболее простой или наиболее экономной системе (однако, возникает вопрос, что считать более простым и экономным: меньшее количество фонем в парадигме при большем их количестве в синтагматическом ряду или обратное?). Возникает и некоторый скептицизм: «Если возможны два решения, оба одинаково удовлетворительные в фонологическом отношении, не значит ли это, что понятия, которыми мы оперируем, не обязательно соответствуют объективной реальности во всей ее полноте?»⁹.

Это высказывание А. Мартине относится, в сущности, к самой методике фонологического анализа. При несколько иной постановке вопроса возникающие сомнения можно формулировать так: если традиционно принятая методика фонологического анализа не позволяет прийти к определенному решению, не следует ли попытаться пересмотреть такую методику?

Как мы видели, весь фонологический анализ строится в парадигматическом плане на сопоставлениях типа *дом — дым — дам — там* и т. д. Отсюда выводится и необходимость делить речевую цепь на звуки, и словоразличительная роль фонемы. При такой методике гораздо труднее доказать неделимость дифтонгов и аффрикат, нежели их делимость. Действительно, вся делимость речи определяется в традиционной методике собственно фонетическими соображениями: в *там* и *так* отделяются согласные *т*, *к*, потому что они по-разному звучат. Но если *ат*, *ак* делятся по этому признаку, то почему не поделить также

vu, *ei*, *ou*] (K. L. Pike. On the phonemic status of english diphtongs. «Language», т 23, 1947, № 2).

Румынские дифтонги рассматриваются:

1) как особые фонемы (A. Rosetti. Quelques problèmes de la phonétique du roumain. «Recherches sur les diphtongues roumaines». Bucarest, 1959);

2) как варианты гласных монофтонгов после мягких или лабиализованных согласных, являющихся особыми фонемами (E. Petrovici. [Ряд статей]. «Studii și cercetări lingvistice». București, 1950—1955);

3) как сочетания двух самостоятельных гласных (Em. Vasiliu. On the category of semi-vowels in Roumanian. «Studia linguistica», т. 16, 1962, № 1).

Немецкие дифтонги до последнего времени рассматривались как неразложимые фонологически, однако теперь появилась и противоположная точка зрения (см.: H. Morciniec. Zur phonologischen Wertung der deutschen Affricaten und Diphthonge. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. II, 1958, № 1).

⁹ A. Martinet. Phonology as functional phonetics. London, 1949, стр. 16.

дифтонги [aj, ац, ој] и т. д.? Если же фонетические соображения сами по себе недостаточны для деления, то какое право мы имеем использовать их по-разному в процессе анализа? В паре *stop — mon* [stop — top] согласный [s] выделяют по фонетическим признакам; отличие его артикуляции и звучания от [s] в слове *son* [son] не считается препятствием для отождествления этих согласных¹⁰. В то же время одним из аргументов против отождествления второго элемента немецкого дифтонга [ai] с гласным [i] служит как раз фонетическое различие этих звуков!

Очевидно, что парадигматические сопоставления сами по себе не позволяют сделать вывод о возможности отождествить элементы сложных звуковых образований (дифтонгов или аффрикат) с отдельными звуками в иных фонетических положениях. Действительно, подобное отождествление разумно лишь в том случае, если доказано, что сложный звук разлагается на более мелкие самостоятельные единицы. Если же звук неделим — то нет и элементов, которые требовали бы отождествления.

Это положение имеет более общее значение: отдельные элементы речевой цепи, находящиеся в разных ее местах (в разном окружении), лишь в том случае подлежат проверке на взаимное отождествление, если доказано, что эти элементы можно выделить как некие самостоятельные единицы.

Для русских слов *ток* [tok] — *ном* [pot] — *кот* [kot] функция различения обеспечивается и в том случае, если их рассматривать глобально, как некие неделимые целые, хотя и отличающиеся своими частями (как, например, слог [ta] отличается от слога [ca-tsa], нем. [a — a¹]). Для того, чтобы доказать, что начальные [t-, k-] в фонологическом отношении равнозначны конечным, что три гласных из трех разных фонетических положений должны рассматриваться как одна фонологическая единица, надо сначала убедиться в том, что каждое из слов делится на три звуковые единицы; в противном случае просто нечего сравнивать и отождествлять. Иными словами, парадигматическому анализу должно предшествовать синтагматическое, линейное членение¹¹.

Очевидно, что основания для такого членения не следует искать в фонетических (акустико-физиологических) свойствах речевого потока. Известно, что в акустико-физиологическом плане поток речи не делится на единицы, обладающие внутренней однородностью, а членение речи на линейные единицы — фонемы вовсе не

¹⁰ В сочетании [st] щель [s] при переходе к [t] сужается до полной смычки; в сочетании [so] происходит довольно быстрое раскрытие щели.

¹¹ Эта мысль недавно высказывалась (см.: L. Zabrocki. Phon, Phonem und distinctive Morphem. «Biuletyn Fonograficzny», V. Poznań, 1962). К сожалению, рассуждения автора неубедительны, так как строятся в чисто фонетическом плане.

является непосредственным отражением изменения акустико-физиологических характеристик¹². Для выделения звука в автономную единицу должны быть не просто фонетические, а лингвистические основания. Л. В. Щерба впервые более полувека назад подчеркнул это положение¹³, однако в то время его мысли не получили широкого отклика; в какой-то мере их использовал Е. Д. Поливанов при фонологическом анализе китайского языка¹⁴; развитие взглядов Л. В. Щербы находим в книге Л. Р. Зиндера «Общая фонетика»¹⁵. Сущность этих идей сводится к тому, что членение потока речи на звуки связано с возможностью провести между элементами речевой цепи лингвистическую (морфологическую) границу.

Отдельные значащие элементы речевой цепи — морфемы — выделяются не просто в силу повторяемости, а в силу присущей им знаковой функции, в силу определенной постоянной связи означающего с означаемым. Звуки речи суть знаки знаков, поэтому и границы между ними определяются границами между знаками, т. е. между морфемами. При этом отдельные звуки абстрагируются от конкретных морфем. Поэтому при делении речевого потока на элементы важно не наличие морфологической границы между каждой парой звуков (это, естественно, невозможно), а лишь возможность такой границы в данном сочетании.

Так, например, в словах: *ток* — *тока* [tok — toka], *пот* — *пота* [pot — pota] гласный [a] отделяется от предшествующего согласного по морфологическим основаниям, и это обстоятельство имеет очень важные следствия для фонологической членимости потока речи. В подобных случаях морфологическая и слоговая (фонетическая) границы не совпадают. Поэтому в языках такого типа (индоевропейские, тюркские, финно-угорские и многие другие) становится возможным: 1) провести фонологическую границу между начально-слоговым согласным и гласным и 2) отождествить конечно-слоговые и начально-слоговые согласные. Последнее возможно потому, что конечно-слоговой согласный превращается в таких языках в начально-слоговой (и обратное), оставаясь элементом той же морфемы, т. е. при сохранении той же знаковой функции. Отсюда вытекает и отсутствие их взаимного противопоставления, т. е. необходимость рассматривать их как предста-

¹² Так, информация о качестве согласных содержится часто в соседних гласных. О соотношении акустических признаков и лингвистического членения см., например: Н. И. Дукельский. Принципы сегментации речевого потока. М.—Л., 1962.

¹³ Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.

¹⁴ А. И. Иванов и С. Д. Поливанов. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.

¹⁵ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960, стр. 33—38.

вителей одной фонологической единицы. Иными словами, отнесение [t-] из [tok] *ток* и [-t] из [rot] *рот* к одной фонеме происходит не просто потому, что начально-слоговой непродыхательный и конечно-слоговой придыхательный согласные находятся в отношении взаимно-дополнительного распределения, а потому, что возможно превращение одного из них в другой в пределах той же морфемы.

Взаимная несвязанность слоговых и морфологических границ приводит к выделению звука речи — фонемы — как особой, автономной единицы, независимой от более крупной фонетической единицы — слога. В языках такого типа слог, будучи фонетическим целым, лишен фонологической характеристики. Не случайно вопрос о слоговой границе для таких языков нередко трудно разрешим; в ряде случаев, по-видимому, место ее неопределенно: *корма* [kaŋ-ma] и [ka-ŋma], *почта* [poč-ta] и [po-čta]¹⁶. Слогоделение здесь в значительной мере безразлично; если оно и играет некоторую роль, то лишь ту, какую играет нужный оттенок фонемы в определенной позиции. Разумеется, слогodelение может выступать как пограничный сигнал — граница слова в русском языке, например, — и в этом смысле оно не вполне лишено фонологической нагрузки, но в той же степени несут эту нагрузку и разные варианты одной фонемы.

Взаимная независимость морфологических и слоговых границ обуславливает мену вариантов фонемы внутри морфемы. Это обстоятельство представляется весьма существенным, едва ли не определяющим для возможности отождествить как одну фонему звуки из разных фонетических положений. В словах *цепь* — *цепь* звуки [ɛ — eⁱ] варианты одной фонемы не просто потому, что один из них встречается лишь перед конечно-слоговым твердым, а другой — перед конечно-слоговым мягким. Если бы дело обстояло только так, то вряд ли можно было бы решить, зависит ли дифтонгоидный гласный [eⁱ] от мягкого согласного или, наоборот, мягкость согласного — от дифтонгоидного [eⁱ]. Дело в том, что возможна целая система чередований в пределах морфемы: *цепь* — *цепи* — *зацепить*..., из которых видно, что один оттенок звучания заменяется другим при сохранении тех же противопоставлений с другими звуковыми единицами языка, и нет обязательной в а и м н о й обусловленности [eⁱ] и конечно-слогового мягкого согласного. Именно потому можно показать, что [ɛ] и [eⁱ] являются вариантами одной фонемы, зависящими от последующего звука. Не будь внутриморфемных чередований и несовпадения

¹⁶ См., например, правила слогodelения в академической «Грамматике русского языка» (т. I. М., 1960, стр. 71—74), а также см.: Р. И. А в а н е с о в. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 42 след.

морфологических границ со слоговыми, — такое доказательство стало бы невозможным (как это и происходит во вьетнамском языке, см. ниже)¹⁷.

Итак, выделение звука речи как автономной, самостоятельной единицы, независимой от фонетического положения, его отделение от соседних элементов речевой цепи — результат лингвистического анализа потока речи; этот анализ связан с проведением как лингвистических — морфологических — границ, так и фонетических — слоговых, и со взаимным отношением этих двух видов членения.

Те звуковые единицы, которые принято называть фонемами в неслоговых языках, и обладают как правило такой автономностью.

Разумеется, автономность звуков — фонем предполагает и их использование в дифференцирующей функции. Это обстоятельство обычно выдвигается на первый план и считается основным или даже единственно важным при выяснении фонологической роли звуков. Для неслоговых языков, действительно, функция дифференциации слов и автономность в огромном большинстве случаев совпадают, однако и здесь имеются исключения — это дифтонги. Действительно, с точки зрения использования звуков в плане словоразличения нет препятствий к тому, чтобы делить английские или немецкие дифтонги на два элемента; нетрудно построить и соответствующий парадигматический ряд: нем. *Haus* [haus] 'дом', — *heiß* [hais] 'горячий', *auch* [aux] 'тоже' — *euch* [ɔɪç] 'вам', *eigen* [aɪgən] 'собственный' — *Augen* [augən] 'глаза', *Eugen* [ɔɪgən] 'Евгений'; англ. *by* [baɪ] 'рядом', *boy* [bɔɪ] 'мальчик', *bough* [bau] 'сук'. Ясно, что ссылки на фонетическое несовпадение элементов дифтонга с гласными монофтонгами не имеют никакой доказательной силы, потому что звуки дифтонгов находятся в особом фонетическом положении. Дифтонги в этих языках оказываются неделимыми потому, что между их элементами никогда не проходит морфологическая граница, т. е. в силу совпадения слоговых — фонетических и морфологических границ¹⁸.

Таким образом, даже в языках, где нет совпадения границ слога и морфемы, функция дифференциации не всегда предпола-

¹⁷ О важности внутриморфемных изменений звуков писал Л. В. Щерба еще в 1942—1943 гг. («Избр. работы по русскому языку». М., 1957, стр. 178).

¹⁸ Вполне закономерно потому, что при решении вопроса о дифтонгах, аффрикатах, долгих звуках так часто прибегают к морфологическому критерию. Возможность морфологической границы между элементами дифтонга или аффрикаты рассматривают как достаточное основание для бифонемной интерпретации. Критерий этот имеет, однако, гораздо более общее значение; морфологическое деление есть та основа, на которой формируется все членение речи на звуки.

гает автономность звука: между элементами дифтонгов обнаруживаются особые фонологические отношения, связанные со звуковыми противопоставлениями при отсутствии лингвистической (морфологической) границы.

В тех же языках, где совпадение слоговой и морфологической границы является правилом, т. е. в слоговых языках, создаются фонологические отношения, существенно отличающиеся от традиционно рассматриваемых¹⁹. В таких языках (например, китайский, вьетнамский, бирманский, тхайский и др.) место слогораздела в речевой цепи является строго обязательным; его нарушение либо создает новое сочетание морфем (слов), либо приводит к бессмыслице; ср. вьетнамский:

các anh [kək⁵aŋ¹] 'братья'
cá canh [kə⁵kəŋ¹] 'рыбный суп'
cá chép [kə⁵çep⁵] 'карп'
cách ép [kəh⁵ep⁵] 'способ давления'

Иначе говоря, противопоставление по слогоделению несет в этих языках ту же фонологическую нагрузку, что и противопоставление отдельных звуков в неслоговых языках: оно расположено на том же фонологическом уровне.

Слог в таких языках имеет строгую структуру, элементы его располагаются в определенном порядке и могут занимать каждый лишь свойственную ему позицию. Так как граница морфемы всегда совпадает с концом слога, то полностью исключается мена звуков разного качества в зависимости от позиции в слоге в пределах одной морфемы (т. е. невозможна замена открытого слога закрытым, конечно-слогового согласного — начально-слоговым и т. д.). Отдельные звуки — элементы слога — привязаны к фонетическому положению и оказываются в тесной зависимости друг от друга и в подчиненном положении по отношению к целому.

Поэтому при фонологической интерпретации звуков слоговых языков с применением метода традиционного фонемного анализа представляются допустимыми различные решения. Так, в ряде диалектов вьетнамского языка возможны довольно шумный начально-слоговой [j], слоговой гласный [i], завершающий слог неслоговой [j] и гласный [i] в дифтонге [je]. Следует ли рассматривать эти звуки как одну фонологическую единицу или как несколько, и если видеть здесь гласный и согласный, то куда отнести конечно-слоговой [j]? Аналогично положение с гласным [u] и неслоговыми [ɥ], возможными в конце слога или перед гласным²⁰.

¹⁹ Что в слоговых языках фонологические отношения должны носить особый характер, указывал уже Л. В. Щерба («О диффузных звуках». — Сб. «Академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 453).

²⁰ В исследованиях по вьетнамскому языку либо предлагаются различные решения (М. В. Е м е н е а u. *Studies in Vietnamese*. «Annamese Gram-

Для слоговых языков существенным является не только слогоделение, но и слогостроение: роль, которую играют отдельные звуки для фонологической характеристики слога. Не случайно для этих языков так важен вопрос о структуре слога и классификации слогов²¹.

При этом в языках слогового строя выделяются элементы различной степени автономности, что связано с морфологическими отношениями внутри слога.

Утверждение о морфологической неделимости слога нуждается в уточнении: внутри слога обнаруживается некоторая аналогия морфологической границе после начального согласного. Она возникает в результате удвоений-полуповторов, которые строятся так, что граница между сохраняемой и заменяемой частью слога проходит после начального согласного (вьетнамский: *vo''* 'тетрадь' — *vo''viê's* 'всякого рода тетради', *ghê'* 'стул' — *ghê' ghiê's* 'стулья', 'сиденья', *td'* 'неясный' — *tâp td'* 'неясный', 'смутный'²²; китайский: *цэнь¹цы* 'неровный', *лин²лун* 'светлый', *цю¹цянь* 'качели', *цин¹тин* 'стрекоза', *ча¹ла* 'угол'²³ либо в результате чередования инициалей при образовании некоторых грамматических категорий (бирманский: *hã²* 'падать' — *hã²* 'ронять', *m̄jau'* 'быть высоким' — *m̄jau'* 'поднимать'²⁴).

Этой морфологической границе соответствует и фонетическое деление. Так, в китайском, вьетнамском, бирманском языках тональная характеристика слога не охватывает инициаль, а накладывается только на вторую его часть; наличие или отсутствие инициали никак не влияет на длительность и тон второй части

маг». Berkeley-Los Angeles, 1951), либо допускается их возможность (L. S. Thompson. Saigon Phonemic. «Language», vol. 35, 1959, № 3).

²¹ Впрочем, фонологическая роль слогостроения обнаруживается и в неслоговых языках; в этой связи можно упомянуть о различии гласных и согласных вообще и в частности [i — j, u — w], которые никогда не бывают в одном и том же фонетическом положении и могут быть противопоставлены друг другу лишь по их роли в слоге. Отсюда и интерпретация [j] в английском языке как варианта фонемы [i], см., например: Р. Якобсон, Г. М. Фант и М. Халле. Введение в анализ речи. «Новое в лингвистике», вып. II, М., 1962, стр. 179.

²² Le Van Lu. Le parler vietnamien. Paris, 1948, стр. 137; В. М. Солнцев, Ю. К. Лекомцев, Т. М. Хитарян, И. И. Глебова. Вьетнамский язык. М., 1960, стр. 57—60.

²³ Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка. I. Слово и предложение. М., 1961, стр. 32.— О делимости китайского слога на эти две части свидетельствуют и словари рифм и традиционный способ обозначения звучания одного иероглифа с помощью двух других, из которых первый передает звучание начального согласного, а второй — звуки остальной части слога и тон.

²⁴ Примеры заимствованы из дипломной работы В. Б. Касевича. «Очерк системы фонем современного бирманского языка» (Л., 1963).

слога; наконец, зависимость между качеством гласного и инициали либо вовсе не наблюдается (вьетнамский, бирманский), либо значительно меньше, чем качественная взаимосвязь элементов второй, акцентируемой части слога. Эта акцентируемая часть, напротив, и в фонетическом, и в фонологическом отношении представляет собой единство, так как элементы ее связаны тесной взаимной зависимостью. Эта часть слога вся целиком несет на себе тональную характеристику слога, вне зависимости от своего состава (один гласный или дифтонг, трифтонг, гласный и носовой согласный). Она имеет и постоянную длительность, связанную лишь с тоном, а не с числом и характером элементов акцентируемой части. Поэтому удлинение одного из элементов ведет к сокращению другого и наоборот: во вьетнамском [a:ŋ — ɔn:] *an — ɔn*, [i:ŋ — iɔ:] *in — inh* и т. д. Существует и очень тесная качественная зависимость между элементами акцентируемой части слога. Так, во вьетнамском гласный [ɛ] возможен лишь перед [ɔ:], т. е. [ɛɔ:] , а [—ɔ:] — только после гласных переднего ряда. С другой стороны, существуют сочетания [a:n, ɛ:n, a:ŋ]. Следует ли интерпретировать [ɔ] как результат палатализации заднеязычного после гласного переднего ряда, т. е. [ɛŋ], или, наоборот, [ɛ] как результат воздействия среднеязычного на [a], т. е. [ɛɔ]. Аналогичный вопрос возникает при рассмотрении сочетания [iŋ] (южный диалект) в ряду [i:n — iŋ — iŋŋ]: является ли [i] более передним вариантом [ш] перед переднеязычным или [ŋ] — результат воздействия [i] на заднеязычный? Методика, используемая при фонологической интерпретации других, неслоговых языков, здесь принципиально неприменима: зависимость членов сочетания всегда обоюдна, а чередования внутри морфемы, при изменении позиции звука в слоге, исключаются. Поэтому и возникает мысль о возможности множества равно убедительных фонологических решений, которые могут быть предложены на выбор читателю.

Элементы акцентируемой части слога отнюдь не лишены словоразличительной функции. Наоборот, небольшой звуковой объем слов-морфем в слоговых языках связан с широким использованием звуковых различий для целей дифференциации. Однако эта словоразличительная функция осуществляется в слоговых языках на двух разных уровнях: на уровне противопоставления автономных звуков — инициалей — и на уровне зависимых фонологических единиц — элементов акцентируемой части слога. Строение слога здесь и в фонетическом и в фонологическом плане соответствует предложенной Куриловичем²⁵ формуле $C + (V + C)$, которую можно рассматривать как общую схему строения слога

²⁵ J. K u r i l o w i c z. Contribution à la théorie de la syllabe. «Biuletyn Polskiego Towarzystwa językoznawczego», 1948, z. VIII.

в этих языках. Такая точка зрения позволяет однозначно интерпретировать инициали слоговых языков и требует анализа остальных элементов слога по их роли в слоге.

Таким образом, можно говорить о существовании в языках единиц разной степени автономности, о двух уровнях фонологических противопоставлений, и различать дифференцирующую функцию звуков и автономность звуков.

Дифференцирующая функция может осуществляться и при отсутствии автономности звуков, как в слоговых языках; в неслоговых языках элементы дифтонгов, между которыми никогда не проходит слоговая и морфологическая граница, в какой-то мере аналогичны таким звукам слоговых языков. Автономность же звуков связана с возможностью лингвистической границы в речевой цепи; звуки — фонемы неслоговых языков обладают такой автономностью; в слоговых языках им в какой-то мере соответствуют инициали.

Система терминов должна отражать эти разные отношения. Если сохранить термин «фонема», придав ему широкое значение, с тем чтобы он охватывал любые противопоставленные друг другу звуки всех языков, то можно говорить об автономных и неавтономных фонемных противопоставлениях или же о фонемах и квази-фонемах. Во всяком случае, следует иметь в виду, что недопустимо приписывать слоговым языкам систему фонологических отношений, характерную для неслоговых языков.